

Вернувшись домой уже во второй половине дня, Чжан Шу застал Ли Муцзиня и бабушку Чжан, сидящих во дворе и чистящих лонган. Бабушка Чжан считала, что все в последнее время похудели от усталости, поэтому решила сварить двух кур с лонганом, грибами и красными финиками для укрепления здоровья.

Чжан Шу передал Ли Муцзиню мешочек с деньгами для хранения и рассказал, что продал оставшиеся 200 с лишним цзиней лапши. Также он сообщил, что в ближайшее время нужно будет сделать еще.

Бабушка Чжан и Ли Муцзинь вздохнули с облегчением. Если удастся продать все запасы, это будет лучшим исходом. В худшем случае они будут есть лапшу три раза в день, но ничего не пропадет.

Говоря о расточительстве, бабушка Чжан взглянула на три-четыре большие бочки в углу, где лежали отходы от осеннего батата.

Изначально они планировали смешать их с отрубями и скормить курам. Бабушка Чжан даже купила дополнительно десять с лишним цыплят. Соседям, у которых были куры, они тоже раздали по несколько цзиней, так как это было дешево.

Но теперь, когда отходов стало так много, она не могла позволить себе кормить всех поросят в деревне. Если поросята вырастут, их мясо не достанется им.

Дедушка предложил использовать отходы как удобрение, но бабушка Чжан не хотела этого, ведь это была еда. Ни одно из решений не устраивало ее, и она вздыхала каждый раз, видя бочки.

Чжан Шу заметил, что бабушка снова смотрит на бочки, и обменялся улыбкой с Ли Муцзинем, так как эта сцена повторялась уже несколько дней.

— Вы смеетесь, молодежь не знает, что такое экономия, — сказала бабушка Чжан, притворяясь сердитой.

— Бабушка, не сердитесь, мы не смеемся над вами, — поспешил успокоить ее Ли Муцзинь. — Я думаю, может, заведем несколько поросят?

— Поросят? — одновременно спросили бабушка Чжан и Чжан Шу.

— Да, поросята любят есть это. Мы все равно будем делать лапшу, и отходов станет еще больше. Почему бы не вырастить несколько поросят, чтобы потом забить их на мясо?

— Отличная идея! — сразу же встала бабушка Чжан. Почему она сама не подумала об этом? — В деревне Паньцзы раньше хорошо выращивали поросят. Я пойду к бабушке У и узнаю.

Бабушка У была родом оттуда, и она наверняка знала, где можно купить поросят.

Чжан Шу и Ли Муцзинь, наблюдая за стремительным уходом бабушки, снова улыбнулись. Они сидели друг напротив друга, чистили лонган: Ли Муцзинь клал его в миску, а Чжан Шу кормил его. В этот безветренный день солнечный свет согревал, создавая уютную атмосферу.

Вечером бабушка Чжан вернулась домой и, не успев поесть, рассказала им новости.

Брат бабушки У занимался продажей поросят. У него было две свиноматки, которые каждый

год приносили по два помета, в каждом от восьми до десяти поросят, а иногда даже двенадцать-тринадцать.

Обычно люди покупали трехмесячных поросят, но у них как раз был помет, который еще не забрали, и они могли взять его себе.

В помете было девять поросят, а их свинарник был достаточно большим, чтобы вместить их.

На следующий день Чжан Шу отправился в город с товаром, а Ли Муцзинь и дедушка Чжан поехали за поросятами.

Черные поросята выглядели не слишком упитанными, так как их нельзя было кормить слишком хорошо, но они были бодрыми и здоровыми.

— Обычно я продаю таких поросят по десять вэнов за цзинь, но раз вы по рекомендации сестры, то возьму по девять с половиной. Решайте, если согласны, я их вам отдам.

На рынке свинина стоила около пятнадцати вэнов за цзинь, независимо от жирности. Никто не стал бы резать мясо, оставляя только постное, ведь все нуждались в жире.

Ли Муцзинь и дедушка Чжан уже знали цены, поэтому не возражали, тем более что им сделали скидку.

Девять поросят взвесили, и их общий вес составил 207 цзиней, что стоило около 1 966 с половиной вэнов.

Продавцы округлили сумму, убрав шесть с половиной вэнов. Две взрослые свиньи и девять поросят съедали много, и эти деньги позволили им спокойно встретить Новый год.

По текущему курсу 765 вэнов за лян серебра, Ли Муцзинь заплатил два ляна и 430 вэнов.

В последнее время они так часто тратили деньги, что даже Ли Муцзинь, который раньше не был расточительным, привык к этому.

Повозку увез Чжан Шу, а они приехали на ней, поэтому теперь, с поросятами, они не могли ехать обратно. Дедушка Чжан дал Ли Муцзиню веревку, и они вдвоем повели поросят домой.

Поросята не слушались, то останавливались, то шли в разные стороны, а некоторые даже пытались вернуться. В холодный день они изрядно вспотели.

Когда они наконец добрались до деревни, Чжан Шу встретил их у входа:

— Я только что вернулся из города и хотел вас встретить.

Ли Муцзинь сразу же пожаловался:

— Эти поросята совсем не слушаются! Мы уже давно купили их, но из-за них опоздали!

Чжан Шу прыгнул с повозки, взял веревку у Ли Муцзиня и дедушки Чжан и легко повел поросят вперед.

— Да они легко идут! Садитесь на повозку, я их доведу.

Ли Муцзинь попросил дедушку сесть на повозку, а сам остался и смотрел на поросят с

недовольством:

— Они просто издеваются надо мной! Вернусь — сразу зарежу!

Чжан Шу улыбнулся:

— Хорошо, как скажешь.

Ли Муцзинь посмотрел на него:

— Расточитель! Я просто с ними разговаривал!

— ...

Зимой не было травы или диких овощей, поэтому поросят кормили вареными отходами батата с отрубями. Первые два дня они были вялыми и плохо ели, но потом начали уплетать все подряд и заметно поправились. Главное, что они ели, ведь отходов от лапши было много!

Увидев это, все вздохнули с облегчением. Ведь это было больше двух лянов серебра, почти как плата за трудовую повинность.

Говоря о трудовой повинности, позавчера вечером в деревню вернулись те, кто был отправлен на работы. Люди были целы, но сильно похудели. На этот раз повинность длилась дольше обычного, и хотя в последние дни им платили, еды было мало, так как вокруг не было деревень. Еда, которую предоставляли власти, была жидкой, и после трех-четырёх чашек все выходило с мочой.

Кроме того, чиновники сказали, что в следующем году еду предоставлять не будут, и каждый должен брать ее с собой. Люди жаловались, но что они могли сделать? Если бы кто-то выступил против, его бы замучили.

Чжан Шу заплатил за освобождение от повинности, и все сказали, что он поступил правильно. Река, на которой шли работы, не была судоходной. Изначально говорили, что они будут укреплять дамбы, но когда они прибыли, оказалось, что эту работу уже выполняли другие деревни, и их отправили чистить ил. В холодную погоду они босиком заходили в воду, вытаскивая грязь со дна и неся ее на берег.

У многих крестьян руки и ноги покрылись обморожениями, и они не могли двигаться после долгого пребывания в воде. Молодые мужчины плакали, не ожидая, что их первая повинность будет такой тяжелой. Сейчас жизнь стала лучше, и немногие могли выдержать такие испытания.

Юй Сяолю тоже отправился на повинность. Его семья разделилась, но осталась в одном доме, что упрощало уплату налогов и выполнение повинностей.

Его старшие братья уже прошли через это, и теперь очередь была за ним. Он был тем, кто плакал от тяжелой работы. Хэ Юэ навещал его и вернулся с красными глазами — ноги Юй Сяолю были в ужасном состоянии.

Чжан Шу принес ему немного красных фиников, сваренных с имбирем, чтобы согреть его. Юй Сяолю лежал на кровати, его лицо осунулось, щеки покраснели, а глаза казались огромными. Он улыбнулся:

— Брат Чжан Шу, зачем ты принес подарки?

— Пусть твой отец сварит их с имбирем, чтобы ты согрелся и быстрее поправился.

— Эх, я уже почти выздоровел, через пару дней все будет в порядке.

Чжан Шу приподнял одеяло и увидел его ноги, красные, опухшие, с множеством ран. На некоторых участках даже сочилась кровь, и все было грубо перевязано тряпками.

<http://bllate.org/book/16721/1537569>